

Обучение монарха отличается от занятий обычных учеников: Линь Чанцину не нужно было посещать Академию Цзися, вместо этого наставник сам приходил во дворец, а местом для уроков служила Палата Шаншу. На следующий день, когда Чжэн Анья пришла на занятие, Линь Чанцин и Линь Чанье уже были там. Линь Чанье кое-как поклонился ей и спросил:

— Анья, моя кузина уже пришла?

Чжэн Анья ответила:

— Пришла, она отдыхает в боковой комнате.

Линь Чанье обратился к Линь Чанцину:

— Брат, можно позвать мою кузину, чтобы она тоже занималась с нами?

Линь Чанцин строго спросил:

— С какой стати?

Линь Чанье парировал:

— Раз твоя кузина может приходить на уроки, почему моя не может?

Этот довод прозвучал довольно нагло. Линь Чанцин усмехнулся:

— Не думай, что если слушателей станет больше, наставник будет меньше обращать на тебя внимания. Такого сорванца, как ты, везде заметят в первую очередь.

Линь Чанье ухватился за рукав Линь Чанцина и протянул:

— Брат... ну можно? Смотри, принцесса здесь одна, ей нужна защита. А вдруг появятся злоумышленники? Моя кузина хоть и числится заместителем посла, на деле — личный телохранитель принцессы.

Линь Чанцин отрезал:

— Что за вздор! Это Палата Шаншу, откуда здесь взяться злоумышленникам?

Чжэн Анья впервые видела, как Линь Чанье ластится, и у неё по коже побежали мурашки. Казалось, хоть они и не были родными братьями, их отношения были куда ближе, чем у обычных братьев. Линь Чанцин хоть и отчитал младшего, но, решив, что ничего страшного в этом нет, позволил позвать Ду Сянчэн, чтобы та сидела рядом с Чжэн Аньей.

Наставник, обучавший этикету, был не главой Академии, а седовласым старцем. Этикет в государстве Бохай был невероятно громоздким и запутанным — одни только правила приветствия занимали несколько томов. Наставник объяснял всё донельзя сухо и скучно. Чжэн Анья продержалась, сосредоточенно слушая, не больше четверти часа, а потом ей стало невыносимо тоскливо. Она взглянула на Линь Чанцина — тот сидел с невозмутимым видом. Посмотрела на Линь Чанье: перед ним стояла вертикально книга, закрывающая всё лицо, а руки что-то мастерили под партой — он явно отвлекался. Эти уловки, конечно, не могли ускользнуть от наставника, и за весь урок Линь Чанье получил несколько замечаний.

Во время перерыва Линь Чанъе неизвестно откуда приволок связку шелков, двух живых ягнят и гуся. Палата Шаншу в мгновение ока превратилась в базар. Ягнята с блеянием метались по сторонам, гусь хлопал крыльями и гоготал. Наставник, вне себя от ярости, воскликнул:

— Цинъюань-цзюнь! Палата Шаншу — место для учебы, зачем вы притащили сюда этот скот?

Линь Чанъе с самым невинным видом улыбнулся:

— Наставник, на прошлом занятии мы учили приветственный этикет, но правил так много, что всё легко забыть. Разве не сказано: повторять изученное в свое время? Я подумал, если мы попрактикуемся вместе, то лучше запомним.

Наставник в гневе возразил:

— Нелепость! Я только что объяснял: при встрече высших сановников подносят ягненка, украшенного тканью, перевязанного со всех сторон, с узлом на морде; голову держат слева, как будто несут детеныша. Ягнят и гусей полагается надежно связать, прежде чем дарить, а не позволять им бегать где попало!

Линь Чанъе развел руками:

— Наставник, я знаю, но ведь я впервые учу этикет! Я не умею вязать узлы: голова налево, ноги направо — чуть ошибешься, и выйдет нарушение приличий. Поэтому мне и пришлось принести их сюда, чтобы вы обучили меня искусству связывания. Вы же обладаете глубочайшими познаниями, неужели для вас проблема связать ягненка? Смотрите, я всё подготовил, прошу вас, наставник, просветите меня.

С этими словами он, словно фокусник, вытащил специальную попону для ягненка и веревки.

Наставник в душе проклинал всё на свете. Будучи сановником, он привык, что все подарки готовят слуги, зачем ему самому вязать ягнят? Ему пришлось умоляюще смотреть на Линь Чанцина, надеясь, что государь приструнит своего озорного брата.

Не дожидаясь, пока Линь Чанцин откроет рот, вперед выскочила Чжэн Анья. Юношеский задор взял верх: увидев милого ягненка, она погналась за ним, загнала в угол и подхватила на руки. Однако через мгновение она тут же бросила его и отбежала прочь.

Линь Чанцин, увидев это, не удержался и спросил:

— Что случилось?

Чжэн Анья, поморщившись, указала на ягненка:

— Он... он ужасно воняет.

— Ха-ха-ха! — Линь Чанъе забил ладонями по столу, заливаясь громким смехом. — Он, небось, только что наложил кучу! Ты даже не посмотрела, прежде чем брать на руки, умориться можно, ха-ха-ха!

Вдруг он снова поклонился наставнику:

— Ученик имеет вопрос, прошу разъяснения.

Наставник, не скрывая раздражения, ответил:

— Говори.

Линь Чанъе, с трудом сдерживая смех, спросил:

— Наставник, если ягненка для подарка готовят заранее, то что делать, если в пути он начнет справлять нужду? Вы сами сказали, они же животные, терпеть не умеют. Может, нужно нанимать отдельного человека, чтобы прислуживал им? Пф-ха-ха-ха!

— Линь Чанъе! — Линь Чанцин, видя, что лицо наставника почернело от гнева, не выдержал. — Посмотри, что ты натворил! Убери это всё немедленно! И приберись здесь!

Поняв, что старший брат действительно разгневан, Линь Чанъе хихикая позвал слуг, чтобы те навели порядок.

Вскоре наступил день торжества. Государство Бохай было великой державой Восточных земель, поздравить их прибыли послы из десятков стран. Линь Чанцин и Чжэн Хэцин были заняты с утра до ночи, даже Линь Чанъе получил немало поручений по встрече и проводам гостей, став на вид вполне серьезным человеком.

Когда Чжэн Аня преподнесла государственную грамоту и дары и собралась опуститься на колени, принимавший их чиновник поддержал её под руки и произнес:

— Воля вдовствующей императрицы: принцесса особа особая, коленопреклонение отменяется.

Чжэн Аня поблагодарила, и под удивленными взглядами послов вернулась в строй делегации, а затем, среди бесконечных приветствий, поздравлений, лести и преувеличенных дифирамбов, дождалась окончания церемонии.

Вечером начался праздник фонарей. Линь Чанцин устроил грандиозный пир для чиновников и иностранных послов. После нескольких смен вина, согласно этикету, он должен был подняться на городскую башню, чтобы полюбоваться фонарями и разделить радость с народом. Горожане внизу, завидев вдалеке отважных телохранителей и длинную вереницу дворцовых служанок с фонарями, поняли — идет их государь. Он поднялся на башню и помахал рукой толпе, и в то же мгновение со всех сторон взметнулись фейерверки, осветив небо, словно днем. Люди скандировали пожелания долголетия, и их голоса разносились до самых небес.

Участие монарха в празднике было лишь данью традиции; если бы он остался надолго, люди внизу не смогли бы веселиться от души. Линь Чанцин понимал это, поэтому постоял совсем немного и спустился вниз, уступив место знати.

Говоря о знати, по сути, это были лишь Чжэн Хэцин и Линь Чанъе. Линь Чанцин как государь был исключением: единственный сын, проживший более полутора тысяч лет. Родственники по отцовской линии, кроме Линь Чанъе, были обычными смертными, и за многие поколения, пережив смуты, давно затерялись где-то в веках. Жену он еще не взял, а значит, не было и родни по супруге. Родня по материнской линии, за исключением Чжэн Хэцин, проживала в государстве Гаочан, и из-за огромных расстояний связи были крайне редкими. Но этот год стал иным — появилась хотя бы Чжэн Аня, и Чжэн Хэцин позвала её с собой на башню. Она даже не подозревала, что этот её поступок вызовет у министров и послов такой шок, что у тех

челюсти отвиснут. Все начали расспрашивать, кто эта молодая женщина рядом с императрицей, и не прошло и получаса, как имя принцессы из Гаочана стало известно всем.

<http://bllate.org/book/21787/2253480>